

М. Г. Павловец

<https://orcid.org/0000-0001-7246-1787>

✉ mpavlovets@hse.ru

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
(Россия, Москва)

«АХ, МАТОМ!»: ОБСЦЕНИРУЮЩИЕ ПАРОДИИ НА АННУ АХМАТОВУ В СОВМЕСТНОМ ПРОЕКТЕ ВАГРИЧА БАХЧАНЯНА И КОНСТАНТИНА К. КУЗЬМИНСКОГО

Аннотация. В 1984 г. «Подвал», домашнее издательство поэта Константина К. Кузьминского, опубликовало книгу Вагрича Бахчаняна под названием «Ах, матом!», которая представляет собой небольшую подборку пародийных версий некоторых ранних стихов Анны Ахматовой, в духе переделок популярных песен или стихов из школьной программы, которые можно обнаружить в подростковом фольклоре. Без рассмотрения более широкого контекста, созданного несколькими текстами Константина Кузьминского, полемически направленными против Анны Ахматовой и ее поэтического круга, а также контекста авангардистской традиции дискредитации литературных противников через вульгаризирующее пародирование их творчества, подчас с использованием обсценной лексики, книга могла бы показаться не очень удачной шуткой двух авторов, известных своей склонностью шокировать публику. Зная этот контекст, можно увидеть скрытые интенции книги, нарочито оскорбительные для приверженцев традиционного искусства, но вполне приемлемые с точки зрения эпатажа авангардного искусства, для которого даже подчеркнутая небрежность и «неумелость» формы считается приемом, т. е. художественным признаком сознательной «порчи» первоисточника, а не банальным проявлением зависти двух якобы «графоманов» и «женоненавистников» к своей великой предшественнице. По сути, это была форма полемики двух наследников авангардной линии русскоязычной поэзии с автором, чье творчество рассматривалось ими как прецедентное для альтернативной для них неоакмеистической традиции.

Ключевые слова: авангард, Анна Ахматова, Вагрич Бахчанян, Константин Кузьминский, пародия, русскоязычная эмиграция третьей волны, субстандарт

Для цитирования: Павловец М. Г. «Ах, матом!»: обсценирующие пародии на Анну Ахматову в совместном проекте Вагрича Бахчаняна и Константина К. Кузьминского // Шаги/Steps. Т. 11. № 1. 2025. С. 330–343.

Поступило 22 марта 2024 г.; принято 28 января 2025 г.

M. G. Pavlovets

<https://orcid.org/0000-0001-7246-1787>
✉ mpavlovets@hse.ru

HSE University
(Russia, Moscow)

“OH, OBSCENITIES!”: OBSCENE TRAVESTIES OF ANNA AKHMATOVA IN A JOINT PROJECT BY VAGRICH BAKHCHANYAN AND KONSTANTIN K. KUZMINSKY

Abstract. In 1984, “Podval” (“Basement”), the home publishing house of the poet Konstantin K. Kuzminsky, published a book by Vagrish Bakhchanyan called *Akh, matom!* (“Oh, Obscenities!”). This was a small compilation of parodic adaptations of some early verse by Anna Akhmatova, in the spirit of travesty alterations of popular songs or poetry from the school curriculum that can be found in teenage folklore. Without a broader context created by several of Konstantin Kuzminsky’s texts polemically aimed at Anna Akhmatova and her poetic circle, as well as without a wider context of the avant-garde tradition of discrediting literary opponents through vulgarizing mockery of their writings, often using obscene vocabulary, the book might not seem like a very successful joke of the two authors, known to be inclined towards shocking the public. Knowing this context, one would see all the hidden meanings of the book, which were consciously made offensive for adherents of traditional art, but were fairly acceptable in terms of epatage or avant-garde art, for which even the emphasized negligence and “ineptitude” of form is considered to be a technique: that is, the artistic sign of “spoiling” the primary source, and not a banal manifestation of envy of the two supposed “graphomaniacs” and “misogynists” towards their great predecessor. This was essentially a form of debate between two inheritors of the avant-garde line of Russian poetry and an author, whose work they perceived as a precedent for the alternative, neo-acmeist tradition.

Keywords: avant-garde, Anna Akhmatova, Vagrish Bakhchanyan, Konstantin Kuzminsky, parody, Third Wave Russian-speaking emigration, substandard

To cite this article: Pavlovets, M. G. (2025). “Oh, Obscenities!”: Obscene travesties of Anna Akhmatova in a joint project by Vagrish Bakhchanyan and Konstantin K. Kuzminsky. *Shagi / Steps*, 11(1), 330–343. (In Russian).

Received March 22, 2024; accepted January 28, 2025

Небольшая поэтическая книжка эмигрировавшего в США в 1974 г. поэта и художника Вагрича Бахчаняна «Ах, матом!» была выпущена Константином К. Кузьминским в 1984 г. в Нью-Йорке в его домашнем издательстве «Подвал» в серии «В десяточку» нумерованным тиражом в десять экземпляров [Бахчанян 1984], а затем через год републикована в эмигрантском альманахе Владимира «Толстого» Котлярова «Мулета Б: Семейный альбом» [Бахчанян 1985] под общим лозунгом издания «Сделаем ненормативную лексику — нормативной!» и с эротическими иллюстрациями Елены Сарни¹. Даже среди других эпатажных творений известного арт-провокатора она производит впечатление странное, а на неподготовленного читателя — возможно, гнетущее:

Так беспомощно грудь холодела.
Но шаги мои были легки,
Я на правую руку надела
Пять гондонов с левой руки.
<...>
Это песня последней встречи.
Я взглянула на темный дом.
Только в спальне торчали свечи
Восемь штук, как х[.]и², колом.
[Бахчанян 1984: <9>]

Такого рода травестирующие переделки, как эта obscene версия стихотворения Анны Ахматовой «Песня последней встречи» [Ахматова 1997: 30], бытуют (или по крайней мере бытовали) в подростковой среде, когда хрестоматийные стихотворные тексты подвергаются переработке через их вульгаризацию путем простейшей замены одних слов или фраз другими, как правило грубыми или даже obscene: так, по наблюдению Михаила Лурье,

Помимо стихотворений, в которых комическому снижению подвергается поэтический стиль, в репертуаре школьников есть тексты, воспроизводящие в искаженно-сниженном варианте конкретные произведения, и именно такого рода «переделки» стихов и песен составляют основную часть подростковой пародийной поэзии <...>. В восприятии современных подростков эти переделки также обретают статус «parodia sacra»: канонизированное культурной традицией, официальным признанием или школьной программой произведение подвергается комической дискредитации за счет искажения текста, его подмены своего рода «антитекстом» [Лурье 1998: 432–433].

¹ Андрей Устинов, рассказавший об этой публикации в выпуске «Мулеты» 1995 г. (см.: [Устинов 2018–2022]), по-видимому, не знал о существовании «подвальской» книжки 1984 г.

² В связи с законодательным запретом употребления нецензурной лексики в СМИ редакция заменяет в таких словах один или несколько знаков соответствующим числом точек в квадратных скобках. — *Примеч. ред.*

Однако здесь мы имеем дело с творчеством вполне признанного, пусть и обладающего скандальной репутацией в литературных кругах поэта. Вагрич Бахчанян (1938, Харьков, — 2009, Нью-Йорк) — литератор и художник-концептуалист, «прозаик, поэт, драматург, афорист, художник, акционист, концептуалист, коллажист, фроттажист, скульптор, книжный дизайнер, “непосредственный наследник классического русского авангарда”, как называли его кураторы одной из выставок, “художник слова” и “чемпион мира по войне”, как он называл себя сам» [Кацов 2018]. Эдурд Лимонов включал его в придуманную им неподцензурную поэтическую «группу “Конкрет”» [Лимонов 1977: 43], работы «Вагрича», «Баха» (как его называли друзья) хранятся в Эрмитаже, Русском музее, Нью-Йоркском музее современного искусства и других местах.

Деконструкция претекста путем инсталлирования в него слов других семантических или стилистических пластов при сохранении прежней синтаксической связности конструкции³ — один из «фирменных» приемов творчества Бахчаняна: от ставшего уже хрестоматийным «Мы рождены, чтоб Кафку сделать былью» [Бахчанян 2006: 60] до других не менее известных строчек, вполне в духе подростковой перелицовки «сакральных» текстов: «Как повяжешь галстук, береги его, он ведь с красной рыбой цвета одного!» [Там же: 58].

Как правило, в такого рода перелицовках Бахчаняна претекстами ему служат идеологически ангажированные тексты (в первом случае — песня «Марш авиаторов» Павла Германа, во втором — стихотворение Степана Щипачева «Пионерский галстук») деконструируемые через замену некоторых слов — паронимически близкими либо семантико-стилистически противоположными. Главным объектом бахчаняновских деконструкций служил советский идеологический текст (не случайно Бахчанян оспаривал у Комара и Меламида авторство соц-арта как направления в современном искусстве), а из персоналий — Ленин или Сталин. Но вот выбор в качестве объекта травестирующей деструкции творчества Анны Ахматовой, отношение к которой в неофициальных кругах было, как правило, уважительным, требует отдельного комментария.

И первое, что следует иметь в виду, — пародийные переложения хрестоматийных текстов поэтессы представлены в издательстве, до этого известном малотиражными изданиями поэтов «исторического авангарда» (Василиска Гнедова, Нины Хабиас, Павла Филонова, Давида Бурлюка, Алексея Чичерина), а также современных авторов (самого Константина Кузьминского, Генриха Худякова, Анри Волохонского, Елены Шаповой де Карли и др.). Оформление книжки довольно лаконичное, поэтому имеющиеся в ней визуальные решения особенно семантически выпуклы. Так, фамилия поэтессы упоминается в ней всего лишь раз — в указании на источник фотографии, размещенной на задней обложке издания («Зад-

³ В понимании дерридианского принципа «деконструкции» не как разрушения, но как демонстрации относительности любых бинарных оппозиций, их проблематизации, а не отрицания, мы следуем за Марком Липовецким [2008: 24–27 и др.]

няя обложка — А. А. Ахматова, Сочи — Сухуми, 1921. Фото Н. Г. П.»). Однако, судя по всему, это фото — мистификация: в ахматовской фотоиконографии такого портрета нам обнаружить не удалось; кроме того, Ахматова не была ни в Сухуми, ни в Сочи, а предполагаемый автор снимка Пунин — Н. Н., а не Н. Г. Кстати, под самой фотографией вместо имени указано — ААА: традиция называть Ахматову по ее инициалам сложилась еще в 1920-е годы⁴. Что касается портрета Ахматовой, вынесенного на обложку, указано: «Передняя обложка — В. Бахчанян», тогда как, если быть точнее, это один из коллажей Бахчаняна на материале известного портрета Ахматовой Юрия Анненкова 1921 г., отредактированного в стилистике известной фотографии ненавистной для Ахматовой Лили Брик, которую сделал Александр Родченко для рекламного плаката «Покупайте книги Ленгиза» (1924).

И тут следует заметить, что инициалы ААА отсылают нас к другим инициалам — ККК, которыми (не без эпатажа) Константин К. Кузьминский нередко подписывался и которые использовались его корреспондентами в переписке⁵. Эта отсылка лишней раз подчеркивает особое присутствие издателя в книжке — большее, чем обычно он себе позволяет: можно утверждать, что книжка «Ах, матом!», как и прочие книги серии «В десяточку», — совместное творение двух авторов. Кузьминскому в целом было присуще свободное обращение с публикуемыми им в издательстве «Подвал» текстами авторов — как предшественников, так и современников. Позиционируя себя как неофутурист, он не просто подвергал авангардистской деструкции претексты, но превращал их в материал для собственного творчества. Так, «Поэма конца» поэта-эгофутуриста Василиска Гнедова, изданная, согласно мистифицирующей издательской пометке, как «репринт с издания 1913 года» [Гнедов 1984], представляет собой повторенное на трех четных страницах (а также на обложке издания) слова «всё!...», а на нечетных — по-видимому, снятое через фильтр в разных ракурсах Солнце (возможно, в момент солнечного затмения). Что же касается книжки поэта Михаила Генделева, отношения с которым Кузьминского пережили эволюцию от приятельских в начале их знакомства до откровенно враждебных в годы эмиграции, то издатель издевательски опубликовал под его именем пару десятков страниц, состоящих из рядов жирных толчек, организованных в квазистрофы и заключенных в рамки⁶.

Негативное отношение К. Кузьминского к Анне Ахматовой стало притчей во языцех — и даже чуть было не привело к прекращению глав-

⁴ Так, в дневниковых записях Павла Лукницкого середины 1920-х годов она представлена как АА (см.: [Лукницкий 1991]).

⁵ «А. А. А. О К. К. К.» — называется одна из главок дневниковой прозы К. К. Кузьминского «Письмо [sic!] на деревню девушке» [Кузьминский 1999]. Подробнее о Кузьминском см.: [Кукуй 2022; Pavlovets 2023].

⁶ При этом на шмуцтитуле стояло: «ИЗБРАННОЕ / Под редакцией К. К. Кузьминского», а на его оборотной стороне: «Все тексты, без каких-либо изменений, приводятся по изданию: Михаил ГЕНДЕЛЕВ, “Въезд в Иерусалим”, Книготороварищество “Москва — Иерусалим”, 1979, под редакцией Э. Сотниковой» [Генделев 1984].

ного проекта его жизни — издания многотомной «Антологии новейшей русской поэзии У Голубой Лагуны»». Эту историю в своем недавнем интервью подробно изложил Дмитрий Бобышев — один из поэтов ахматовского «волшебного хора», собиравшихся вокруг поэтессы в конце 1950-х — начале 1960-х годов:

Он в одном из томов собирался напечатать всю нашу четверку «сирот», причем без спросу. Я окольными путями узнал, что в этом же томе он собирается напечатать свои довольно вульгарные издевательские пародии на Анну Ахматову. Надо сказать, что у него был некоторый заскок, кажется, это называется мизогиния — женоненавистничество. Особенно он издевался над поэтессами, у него даже была коллекция «менструальной поэзии». Увы, туда он занес и Ахматову. С этим безобразием я, конечно, печататься не мог. Если бы не это, я бы не протестовал, если бы он напечатал мои стихи. Бродского он тоже не спросил, а Найман, когда я уезжал, вообще настаивал, чтобы я препятствовал его публикациям на Западе. И вдруг оказывается, что Кузьминский печатает нас в одном томе и там же отвратительные пародии на Ахматову. Тут я, конечно, вспомнил про свои авторские права, позвонил ему и запретил печатать, на что он поинтересовался, что я буду делать в случае, если он все же напечатает. Тут я повторил слова Надежды Яковлевны Мандельштам, которая была в подобных обстоятельствах: я сказал, что обращусь в суд. Какой суд? Народный, конечно! Мало того, я позвонил Бродскому в Нью-Йорк и сразу сказал, что я по делу, связанному с Ахматовой. Он очень нормально воспринял меня, выслушал и сказал, что он об этой кузьминской затее ничего не знал и тоже запретит ему печатать свои стихи [Бобышев 2019].

В результате выход двух вторых полутомов антологии (2А и 2Б) был задержан, так что между первым томом (1980) и полутомами 2А и 4А (1983) возник временной лаг в три года; не вошли в остальные тома и стихи Бродского, Бобышева, а также Наймана, не только поэта, но и литературного секретаря Ахматовой с 1963 г. (точнее, Кузьминский в томе 2Б привел несколько фрагментов ранних стихотворений последнего, задержавшихся в его памяти, вместе с признанием любви к ним, но так, чтобы нельзя было привлечь его к ответственности за нарушение авторского права).

Тем не менее «антиахматовские» стихи были опубликованы Кузьминским как минимум дважды — в полутомах и 2А, и 2Б. Причем в 2Б он в начале раздела воспроизвел эскиз обложки Бахчаняна, а в 2А характерный монтажный раздел «Appendix» вместе с графическим рисунком аппендикса открывала заметка Кузьминского «Брюшко тетки Таньки. Живая Ахматова», в которой пережившая репрессии переводчица Татьяна Гнедич (как и несколько других пострадавших от режима деятелей литературы) противопоставлены якобы более благополучной Ахматовой, затем ряд стихотворений Кузьминского, часть которых была написана до конфликта с «ахматовскими сиротами», часть же — после (о чем свидетельствуют

заботливо расставленные датировки), здесь же — «литмонтаж» газетных вырезок об Ахматовой и «возмутительной комедии» «Скверные привычки» с монахиней, поправляющей чулки («полумонахиней, полублудницей»⁷), и еще один, вербальный, коллаж цитат из романа «Последний из удэге» покровителя Ахматовой — Фадеева, посвященных главным образом заду. Есть в разделе и свой мистифицированный портрет «Ахматовой», только уже в образе пожилой величавой дамы с авторским комментарием «Неизвестное фото Ахматовой. Фотограф неизвестен. Год тоже. Неизвестно даже, Ахматова ли это» [Кузьминский 1983: 611].

Как минимум эта «рифма» двух псевдоахматовских портретов, а также использование коллажа Бахчаняна — ясное свидетельство того, что выход книжки — не просто литературное хулиганство, но рассчитанный художественный жест, причем жест полемический. Согласно теории пародии Юрия Тынянова, мы имеем дело здесь именно с пародиями на Ахматову, а не с пародическим использованием ее текстов: в последнем случае «пародия служит <...> средством легчайшего введения злободневного материала в литературу и предоставляет в распоряжение фельетониста выверенный сюжетный костяк и стилистическую точку отправления, трамплин» [Тынянов 1931: 8], однако не имеет цели дискредитации самого претекста. Вся же концепция издания направлена на разрушение образа Ахматовой как поэта, в чьем творчестве нашли отражения самые трагичные страницы отечественной истории первой половины XX в., и сведение его к образу поэтессы-нимфоманки: как отбор текстов Бахчаняном, исключительно ранних, так и их деструкция парадоксальным образом согласуются с известной характеристикой, которую Ахматова получила в печально известном докладе Жданова о журналах «Звезда» и Ленинград» на собрании партийного актива и на собрании писателей в Ленинграде:

Тематика Ахматовой насковзь индивидуалистическая. До убожества ограничен диапазон ее поэзии — поэзии взбесившейся барыньки, мечущейся между будуаром и моленной. Основное у нее — это любовно-эротические мотивы, переплетенные с мотивами грусти, тоски, смерти, мистики, обреченности. <...> Не то монахиня, не то блудница, а вернее блудница и монахиня, у которой блуд смешан с молитвой [Жданов 2007: 258].

Основной метод Бахчаняна — пародия не на стиль Ахматовой и не на какие-то конкретные ее просчеты, он ближе к тому обращению с «сакральным» претекстом, который характерен для школьных пародий, но при этом восходит к средневековым и даже античным пародиям, профанирующим сакральные тексты, что проявляется даже в самом их методе сохранения основного текста в неизменности с заменой лишь отдельных слов или их сочетаний:

⁷Так Лидия Чуковская запомнила известную характеристику Анны Ахматовой, данную той в докладе Андрея Жданова (см. ниже) [Чуковская 2007: 10].

Тенденция к минимальному изменению текста оригинала, сохранению его метрико-синтаксической структуры объясняется стремлением «взорвать изнутри» серьезное произведение, сохранив в возможной целостности его формальную оболочку. Именно это ведет к достижению нужного такой пародии результата — к созданию профанирующего аналога «священного и важного» текста, а не нового, «карикатурного» произведения, как это обычно делает литературная пародия [Лурье 1998: 433].

Как это делается, можно продемонстрировать на примере конкретного текста в сравнении его с оригиналом (искажения отмечены нами разрядкой):

* * *

Я на солнечном восходе
 Про любовь пою,
 На коленях в огороде
 Или на х [.] ю.

Вырываю и бросаю —
 Пусть простит меня.
 Вижу, девочка босая
 Ст о н е т у плетня.

Страшно мне от звонких воплей
 Голоса беды,
 Все сильнее запах теплый
 М о л о д о й п [. . . .] .

Будет сперма вместо хлеба
 Мне наградой злой,
 Надо мною только небо
 А с о м н о й х [. .] твоей.

[Бахчанян 1984: <7>]

Песенка

Я на солнечном восходе
 Про любовь пою,
 На коленях в огороде
 Лебеду полю.

Вырываю и бросаю —
 Пусть простит меня.
 Вижу, девочка босая
 Плачет у плетня.

Страшно мне от звонких воплей
 Голоса беды,
 Все сильнее запах теплый
 Мертвой лебеды.

Будет камень вместо хлеба
 Мне наградой злой.
 Надо мною только небо,
 А со мною голос твой.

11 марта 1911

Царское Село

[Ахматова 1997: 36]

Итак, на 16 строк первоисточника мы видим только пять его искажений, в остальном же, если не учитывать игнорирование Бахчаняном заголовочно-финального комплекса текста (отсутствие заголовка, датировки и места написания — как и во всех остальных случаях в рассматриваемом нами издании), претекст воспроизведен достаточно бережно: лишь в 14-й строчке точка заменена запятой, кроме того, в финальном стихе замена *голоса* на *х[.]* потребовала отказаться от ахматовского отступления от ритмической схемы всего стихотворения 4/3X (чередования 4- и 3-стопных хорейских строк, нарушенное в последней из них, но восстановленное пародистом). Условно-символическая сцена, в которой лирический

субъект — по-видимому, крестьянка — полет лебеду (символ беды), прислушиваясь к предвещающему ей беду плачу ребенка-девочки (еще один расхожий мотив в поэзии), выворачивается наизнанку — и мы видим героиню, предающуюся блудной страсти прямо в огороде, возможно — на глазах девочки-вуайеристки.

В большинстве случаев Бахчанян берет только часть текста (так, из трех катренов стихотворения «Тяжела ты, любовная память...» ему пригодился только первый: «Тяжела ты, любовная память! / На х[.]ю твоём петь и гореть, / А другим — это только пламя, / Чтоб остывшую жопу греть» — где изменена вторая строчка первоисточника «Мне в дыму твоём петь и гореть» [Ахматова 1997: 75] и четвертая, в которой *жопу* поставили вместо *душу*). Впрочем, из этого текста Бахчаняну понадобились еще две строчки, превращенные им в отдельный дистих и измененные достаточно невинно, так что скабрёзный их смысл проявляется только в контексте всего издания: «Дай мне в рот такой отравы, / Чтобы сделалась я немой...» [Бахчанян 1984: <15>] (в первоисточнике — «Дай мне выпить такой отравы, / Чтобы сделалась я немой» [Ахматова 1997: 76]). В общем же статистика такова, что из 21 опуса только четыре взяты целиком и еще два носят монтажный характер, соединяя два разных претекста.

В заключение нам остается лишь прояснить смыслы, а не только причины ахматовоборчества Бахчаняна и, видимо, стоящего за ним Кузьминского. Более того, мы можем предположить, что инспирировал это издание и как минимум был его идеологом именно Кузьминский, письменное наследие которого изобилует довольно резкими — на грани фола — оценками Ахматовой. Известная мизогиния Кузьминского является предметом исследования американской славистки Энсли Морс: в частности, она подсчитала, что из 300 имен включенных в «Антологию У Голубой Лагуны» поэтов только 20 — женщины, при этом там отсутствуют произведения не раз упоминаемых составителем Ольги Седаковой, Натальи Горбаневской, Галины Андреевой, Кари Унксовой, Тамары Буковской и др. и ни одной поэтессы нет в ключевом первом томе издания. Объясняя выпады Кузьминского как против Ахматовой, так и других женских фигур неофициального литературного истеблишмента, Морс пишет:

Его враг номер один — советская (потом американская) система контролирования культурной, в частности литературной, продукции. И его мизогиния, как мне кажется, отчасти направлена против этой системы, которая действительно продвигала «своих», лояльных поэтов — включая женщин. Его выпады в адрес Ахматовой могут смотреться по-другому в контексте таких высказываний: «Как смотрелась бы Ахматова — не по ранжиру Пановой и Сильвы Капутикян, а — Шкапской, Хабиас, Любви Столицы, если б тем не заткнули е[.]альники еще в начале 20-х?»⁸.

⁸ Цитируется неопубликованная статья Энсли Морс «“Рыцарь поэзии”: гендер и власть в неофициальном и диаспоральном литсообществах»; за возможность познакомиться с ней сердечно благодарю автора.

И далее:

Кузьминский признает литературных женщин строго в одной из трех ипостасей⁹. В первой — женщины, к которым КК относится как к матерям, — это Татьяна Гнедич, «тетка Танька», у которой он «работал» секретарем; другие заведующие ЛИТО, как «Наденька» Полякова; или даже Юлия Вознесенская, которую он повторно называет «матерью ленинградской поэзии». <...> Даже нелюбимую Ахматову он скрепя сердце включает в ряды матерей, хотя ругает ее за «недоступность», за то, что никогда не была «Аннушкой» для своих учеников (в отличие от его Поляковой, Гнедич и т. д.)¹⁰.

Однако, как уже было сказано выше, в заметке «Брюшко тетки Таньки. Живая Ахматова» Кузьминский противопоставляет Татьяну Гнедич (у которой был литературным секретарем) и Ахматову (общения с которой так и не сподобился) по весьма конкретному принципу:

Ахматова в лагерях не сидела. Вообще, жизнь ее я себе представляю смутно. Всю жизнь она была официально признанным поэтом (даже когда [была] опальная), и жила она последние годы в писательском доме на Ленина, Гнедич же — в Царском Селе, в коммуналке. Из Анны Андреевны, пережившей трех мужей (это которых я знаю) сделала великопостную великомученицу. А по-моему, страшнее судьба спившейся Ольги Берггольц, вдовы Бориса Корнилова, которая, пьяная, с разметавшимися седыми волосами, моталась по коммунальной кухне, сшибая кастрюли, в квартире, где жил мой соученик, он и рассказывал. <...>

Ахматова и Гнедич... Эти два имени все время противостоят у меня, и не случайно. Две судьбы, две жизни, две великих женщины. Нет, Ахматова не была похожа на все эти портреты. Только в стихах. А в жизни... Я знал другую Ахматову [Кузьминский 1983: 610].

Иначе говоря, если в глазах «либеральной советской интеллигенции» Анна Ахматова выглядела как жертва системы, поэт, искусственно удаленный из культурной иерархии и маргинализированный, то для «неофутуриста» Кузьминского, адепта авангардной, экспериментальной и эпатажной поэзии, Ахматова с ее склонностью выстраивать свои личные иерархии, управлять мемориализацией своей литературной эпохи и собственного образа в ней, окружать себя «женами-мироносицами» и преданными учениками — фигура скорее отрицательная и враждебная, как минимум литературный конкурент. С ее именем у Кузьминского, наследника авангардной традиции, связана другая, чуждая (хотя и не отрица-

⁹ Две другие ипостаси, определяемые Э. Морс — «женщины-поэты откровенно «сексуальные»» и ««серьезные» поэты, как правило, экспериментальные и явно уважаемые КК» (там же).

¹⁰ Там же.

емая им вовсе) неоакмеистическая линия русскоязычной послевоенной поэзии, а также имена почитаемого им Бродского и остальных «ахматовских сирот». Как он писал в заметке «Наденька Полякова, Наталья Грудина, Анна Ахматова, Татьяна Гнедич» (раздел «и ...новаторы» тома 2Б),

На мой взгляд Ахматова оказала весьма тлетворное влияние на современную молодую литературу, заразив ее прогнившим акмеизмом. Симпатия к акмеизму понятна по нынешним временам: своего рода, ностальгия по «серебряному веку». Футуристов же в Ленинграде не было, поэтому ходили к Ахматовой [Кузьминский 1986: 178].

Сошлюсь и на свидетельство автора недавно опубликованного эссе о Бахчаняне [Кацов 2017], Геннадия Кацова, в частной переписке ответившего мне на мой вопрос о возможной бахчанянской ахматовофобии:

...не помню, чтобы мы затрагивали эти темы. Об Ахматовой не говорили — похоже, Ахматова и птенцы ее гнезда Вагрича интересовали как материал для его экспериментов в дадаистском ключе, и не больше.

Вагрич ощущал себя не востребованным, при том что был уверен: актуальная современная культура началась с него. В этой шутке — только доля шутки. Поэтому на любой проект отзывался, был готов участвовать. А уж анархист ККК умел убеждать и уговаривать.

При всей его (Бахчаняна. — М. П.) мягкости литературный мейнстрим, с его точки зрения, он бы сбрасывал с корабля современности ежедневно.

Подозревая Ахматову если не в сервильности, то во встроенности в советский культурный истеблишмент, Кузьминский и Бахчанян занимали далеко не уникальную позицию в неофициальной культуре: достаточно вспомнить, что близкая им по неоавангардистским установкам трансфурристка Ры Никонова обвиняла неоакмеистический ленинградский андеграунд в художественном пассаизме, уже устоявшемуся понятию «вторая культура» противопоставляя подлинно экспериментальную «третью культуру»:

Однако третья культура <...> поняла, что единственное ее спасение, гарант ее «несъедобности» для официоза — это авангард. И если вторая культура презирала авангард ничуть не менее, чем первая (ах, было, было!), да потому и презирала, что всеми фибрами души связана с культурой № 1, ее мыслями и чаяниями, ее стилем, то культуре № 3 не было другого выхода, как придерживаться языка, не понимаемого с налета, эстетически усложненной и вообще всяческой «недемократичности». Уж слишком замкнута и герметична, отъединена от неофициоза и официоза она была и есть [Никонова Ры 1985: <43>].

Позднее же удар по культуре Ахматовой и традиционной системе литературной преемственности и наследования нанес концептуалист Владимир

Сорокин, в своем романе «Голубое сало» изобразив смердящую и матерящуюся городскую юродивую ААА, вылизывающую подошвы Сталину и при этом окруженную стаей юных наследников, из которых вступить в поэтическое наследство (проглотив рожденное ААА яйцо) удастся только «рыжему Иосифу» [Сорокин 1999: 221–223; 227–236; 248–252].

С другой стороны, опыт подобной пародийной (и безусловно полемиической) деструкции текстов Ахматовой можно найти и в истории русского авангарда: речь идет о обсценной пародии на нее поэта Ивана Аксенова. В 1910 г. он был шафером на свадьбе Ахматовой и Гумилева, но впоследствии порвал с их кругом, в 1915 г. стал членом футуристической группы «Центрифуга», в пору расцвета славы поэтессы не раз довольно резко высказывался в ее адрес, а весной 1920 г. даже написал непристойный текст «Молитва девушки» с эпиграфом «Предо мной золотой аналой» из стихотворения Ахматовой «У меня есть улыбка одна...», послужившего, как можно понять, ритмико-просодической «формой» для отливки этой пародии. В своей пародии на Ахматову, по словам публикатора и комментатора Андрея Россомахина, «Аксенов пародийно обыграл молитвенную семантику ее стихов, кощунственно столкнув молитву с описанием сексуального акта, да еще с использованием обсценной лексики» [Росомахин 2018–2022: <191>]:

Уе[.]ите меня в эту ночь
Голубы и любовь и луна
И ласкаться во всю мою мочь
Я сумею выюнее выюна.
[Там же: <189>]

Так что странная книжка Бахчаняна и Кузьминского при всей своей похожести на подростковую шалость, какая как будто бы не пристала двум взрослым состоявшимся литераторам, будучи помещена в правильный литературный контекст, раскрывает все свои интенции. Эти интенции, безусловно, неприемлемы для адептов традиционного искусства, но вполне возможны в контексте искусства авангардного, эпатажного, для которого даже подчеркнутая небрежность и «неумелость» формы есть прием — художественный жест «порчи» первоисточника, а не банальное проявление зависти двух «графоманов» и «мизогинов» к великой предшественнице.

Источники

- Ахматова 1997 — *Ахматова А.* Сочинения: В 2 т. Т. 1. М.: Цитадель. 1997.
 Бахчанян 1984 — *Бахчанян В.* Ах, матом! [Нью-Йорк]: PODVAL, 1984.
 Бахчанян 1985 — *Бахчанян В.* Ах, матом! // Мулета Б: Семейный альбом / [Изд. и ред. В. Котляров]. Париж: Vevrisme, 1985. С. 353–371.
 Бахчанян 2006 — *Бахчанян В.* Мух уйма (Художества). Не хлебом единым (Меню-коллаж). Екатеринбург: У-Фактория, 2006.
 Бобышев 2019 — *Бобышев Д.* «Молодой Мафусаил» / Интервью Ю. Левинга // Горький. 2019. 7 февр. URL: <https://gorky.media/context/molodoyj-mafusail/>.

- Генделев 1984 — *Генделев М.* Избранное / Под ред. К. К. Кузьминского. [Нью-Йорк]: PODVAL, 1984.
- Гнедов 1984 — *Гнедов [В.]* Поэма Конца / Под ред. К. К. Кузьминского. NYC: PODVAL, 1984.
- Жданов 2007 — *Жданов А. А.* Доклад о журналах «Звезда» и «Ленинград» // Сталинские премии: две стороны одной медали: Сб. документов и художественно-публицистических материалов / Сост. В. Ф. Свинын, К. А. Осеев. Новосибирск: Свинын и сыновья, 2007. С. 253–275.
- Кузьминский 1983 — [Кузьминский К. К.] Брюшко тетки Таньки. Живая Ахматова // Кузьминский К. К., Ковалёв Г. Г. Антология новейшей русской поэзии у Голубой Лагуны: В 5 т. Т. 2А. Newtonville, Mass: Oriental Research Partners, 1983. С. 610–611.
- Кузьминский 1986 — *Кузьминский К. К.* Наденька Полякова, Наталья Грудина, Анна Ахматова, Татьяна Гнедич // Кузьминский К. К., Ковалёв Г. Г. Антология новейшей русской поэзии у Голубой Лагуны: В 5 т. Т. 2Б. Newtonville, Mass. Oriental Research Partners, 1986. С. 177–179.
- Кузьминский 1999 — *Кузьминский К. К.* Письмо на деревню дедушке // Антология новейшей русской поэзии у Голубой Лагуны. 1999. URL: https://kkk-bluelagoon.ru/pismo_na_derevnyu/pismo_na_derevnyu_devushke_14.htm.
- Лимонов 1977 — *Лимонов Э.* Группа «Конкрет» // Аполлонь-77: Альманах / Гл. ред. М. Шемякин. [Париж]: [б. и.], 1977. С. 43–46.
- Лукницкий 1991 — *Лукницкий П. Н.* Acumiana: Встречи с Анной Ахматовой. Т. 1: 1924–25 гг. Paris: Ymka-Press, 1991.
- Никонова Ры 1985 — *Никонова Ры.* Диссидорант // Транспонанс. № 28. 1985. [С. 41–50].
- Сорокин 1999 — *Сорокин В.* Голубое сало: Роман. М.: Ad Marginem. 1999.
- Чуковская 2007 — *Чуковская Л. К.* Записки об Анне Ахматовой. 1952–1962. Т. 2. М.: Время. 2007.

Литература

- Кацов 2018 — *Кацов Г.* Бах: гений — парадоксов друг: К 80-летию Вагрича Бахчаняна // Новый журнал. № 291. 2018. [Цит. по электрон. републ.]. URL: <https://magazines.gorky.media/nj/2018/291/bah-genij-paradoksov-drug.html>.
- Кукуй 2022 — На берегах Голубой Лагуны: Константин Кузьминский и его Антология: Сб. исследований и материалов / Сост. И. Кукуй. Бостон: Academic Studies Press; СПб.: БиблиоРоссика, 2022.
- Липовецкий 2008 — *Липовецкий М.* Паралогии: Трансформации (пост)модернистского дискурса в русской культуре 1920–2000-х годов. М.: Нов. лит. обозрение, 2008.
- Лурье 1998 — Пародийная поэзия школьников / Предисл. и публ. М. Л. Лурье // Русский школьный фольклор: От «вызываний» Пиковой дамы до семейных рассказов / Сост. А. Ф. Белоусов. М.: Ладомир; ООО «Изд-во АСТ-ЛТД». 1998. С. 430–441.
- Россомахин 2018–2022 — *Россомахин А.* Об одной неизвестной непристойной пародии: Иван Аксенов contra Анна Ахматова // Вещи + случаи: Науч.-худ. альманах в честь Ж.-Ф. Жаккара. Брусилово: Аквилон, 2018–2022. [С. 187–193].
- Тынянов 1931 — *Тынянов Ю.* Предисловие // Мнимая поэзия: Материалы по истории русской поэтической пародии XVIII и XIX вв. / Под ред. Ю. Тынянова. М.; Л.: Academia. С. 5–9.
- Устинов 2018–2022 — *Устинов А.* Вагрич Бахчанян: «Ах, матом!» // Вещи + случаи: Науч.-худ. альманах в честь Ж.-Ф. Жаккара. Брусилово: Аквилон, 2018–2022. [С. 194–199].

Pavlovets 2023 — *Pavlovets M. Konstantin K. Kuzminsky as a neo-Futurist // International yearbook of Futurism studies. Vol. 13 / Ed. by G. Berghaus, D. Colucci, T. Klähn. Berlin; Boston: De Gruyter, 2023. P. 167–194. <https://doi.org/10.1515/9783111318394-008>.*

References

- Katsov, G. (2018). Bakh: genii — paradoksov drug: K 80-letiiu Vagricha Bakhchanyana. [Bakh: genius is a friend of paradoxes: To the 80th anniversary of Vagrigh Bakhchanyan]. *Novyi Zhurnal*, 291 (quoted from web republication). <https://magazines.gorky.media/nj/2018/291/bah-genij-paradoksov-drug.html>. (In Russian).
- Kukuj, I. (Ed.) (2022). *Na beregakh Goluboi Laguny: Konstantin Kuz'minsky i ego Antologiya: Sbornik issledovaniy i materialov* [On the shores of the Blue Lagoon: Konstantin Kuz'minsky and his Anthology: Collected studies and materials]. Academic Studies Press; BiblioRossika. (In Russian).
- Lipovetskii [= Lipovetsky], M. (2008). *Paralogii: Transformatsii (post)modernistskogo diskursa v russkoi kul'ture 1920–2000-kh godov* [Paralogies: Transformations of (post)modernist discourse in Russian culture of the 1920s–2000s]. *Novoe literaturnoe obozrenie*. (In Russian).
- Lur'e, M. L. (Intro., & Publ.) (1998). Parodiinaia poeziiia shkol'nikov [Parody poetry by schoolchildren]. In A. F. Belousov (Ed.). *Russkii shkol'nyi fol'klor": Ot "vyzyvanii" Pikovoi damy do semeinykh rasskazov* (pp. 430–441). Ladomir; OOO "Izdatel'stvo AST-LTD". (In Russian).
- Pavlovets, M. (2023). Konstantin K. Kuz'minsky as a neo-Futurist. In G. Berghaus, D. Colucci, & T. Klähn (Eds.). *International yearbook of Futurism studies* (vol. 13, pp. 167–194). De Gruyter. <https://doi.org/10.1515/9783111318394-008>.
- Rossomakhin, A. (2018–2022). Ob odnoi neizvestnoi nepristoinoi parodii: Ivan Aksenov contra Anna Akhmatova [About one unknown obscene parody: Ivan Aksenov contra Anna Akhmatova]. In *Veshchi + sluchai: Nauchno-khudozhestvennyi al'manakh v ches't' Zh.-F. Zhakkara* (pp. [187–193]). Akvilon. (In Russian).
- Tynianov, Iu. (1931). Predislovie [Preface]. In Iu. Tynianov (Ed.). *Mnimaia poeziiia: Materialy po istorii russkoi poeticheskoi parodii XVIII i XIX vv.* (pp. 5–9). Academia. (In Russian).
- Ustinov, A. (2018–2022). Vagrigh Bakhchanyan: "Akh, matom!" [Vagrigh Bakhchanyan: "Oh, Obscenities!"]. In *Veshchi + sluchai: Nauchno-khudozhestvennyi al'manakh v ches't' Zh.-F. Zhakkara* (pp. [194–199]). Akvilon. (In Russian).

Информация об авторе

Михаил Георгиевич Павловец

доктор филологических наук
профессор, Школа филологических
наук, факультет гуманитарных наук,
Национальный исследовательский
университет «Высшая школа
экономики»
Россия, 101000, Москва, Мясницкая ул.,
д. 20
✉ mpavlovets@hse.ru

Information about the author

Mikhail Georgievich Pavlovets

Dr. Sci. (Philology)
Professor, School of Philological
Sciences, Faculty of Humanities, HSE
University
Russia, 101000, Moscow, Myasnitskaya
Str., 20
✉ mpavlovets@hse.ru